

роман грачев

ТОМКА и блудный сын

Роман Грачев
Томка и блудный сын
Серия «Томка», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17966687

ISBN 978-5-4474-2146-5

Аннотация

«Томка», книга вторая.

Хозяин детективного агентства «Данилов» разгадывает новую загадку. За помощью к нему обращается мама пропавшего старшеклассника. Талантливый программист Сергей Круглов без объяснения причин сбегает из дома. Антон Данилов склоняется к версии о сложных взаимоотношениях Сергея с отчимом. Отправляясь на поиски беглеца, частный сыщик и не предполагает, в какой передрыге окажется. И, как назло, Томку вновь не с кем оставить!

Неугомонная дочь детектива увязывается за папой.

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	24
5	31
6	49
7	57
8	64
9	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Томка и блудный сын

Роман Грачев

© Роман Грачев, 2018

ISBN 978-5-4474-2146-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Бедная... я тебя никогда не забуду.

Томка держит сачок над унитазом. В сетке – самка гуппи. Несчастливая сегодня мучилась: лежала на дне аквариума, всплывала из последних сил и вновь опускалась. То ли объелась, то ли оголодала, я точно не знаю, но агония продолжалась целый день. В конце концов, я предложил Томке проявить акт гуманизма – побыстрее прикончить бедную рыбку. Дочь согласилась утопить ее в унитазе.

И вот теперь она честно пытается исполнить свой долг перед природой. Я терпелив.

– Бедная, – повторяет Томка. Сачок покачивается в руке. – Мне будет тебя не хватать. Жила ты себе жила и вот, не дожила. Плыви себе на небо.

Слез, разумеется, нет (какие слезы у этого шестилетнего чертика!). Особого сожаления тоже не вижу.

– Прощай, ставридка, – со вздохом заканчивает дочка свою речь и переворачивает сачок. Тельце исхудавшей гуппешки летит вниз.

– Ой, пап!!! Смотри! Смотри быстрее!!!

Я смотрю... и брови мои взлетают: гуппи нарезает круги в унитазе. Она еще жива и отчаянно борется с судьбой.

– Папа, давай вытащим ее и унесем обратно!

– Нет.

– Ну, па-ап!

Томка никогда не реагирует на первый запрет. Чтобы категоричное «нет» впечаталось в мозг, нужно произнести его, по меньшей мере, раз десять.

– Пап, она еще может поплавать, смотри, как она радуется!

– Она не радуется, доченька, поверь мне.

– Нет, ей хорошо!!! Смотри, смотри!

Я непреклонен. Если врач сказал «в морг» – значит, в морг. Я и так сделал все возможное. Вынимать рыбу из унитаза, прерывая ее последний путь на небо, не собираюсь.

Я хладнокровно нажимаю кнопку слива. Гуппи исчезает в пучине.

Томка застывает с раскрытым ртом. Я с волнением жду вердикта.

И дожидаюсь:

– Балин, пап... мы ее потеряли!

Если мы с вами еще не знакомы, то разрешите представиться: Антон Данилов, 38 лет. У меня есть собственное детективное агентство (а чем еще заниматься бывшему оперуполномоченному уголовного розыска, ушедшему в отставку ввиду эстетических разногласий с системой? тапочки шить?). В агентстве у меня в подчинении состоят полтора десятка оболтусов, вполне, впрочем, толковых и готовых вести самостоятельную работу без оглядки на начальство. Еще

у меня есть четырехкомнатная квартира с гостиной и рабочим кабинетом, две машины: одна, новенькая «хонда», на ходу, а вторая, старая отечественная «десяточка», ржавеет в дальнем гараже на окраине. Еще у меня осталось много друзей в органах, с которыми я иногда встречаюсь, чтобы выпить кружку пива (признаться, чаще использую их в своекорыстных целях).

Но это все мелочи. Главное – у меня есть дочка Тамара. Непотопляемый резиновый утенок. Ей шесть лет, она любит тяжелый рок («AC/DC», «Guns'n'Roses», Роб Зомби, Мэрилин Мэнсон – вот далеко не полный перечень ее любимчиков), фильмы ужасов, экзотических животных. Она хорошо танцует и умеет воспроизводить услышанные мелодии. Она, как уже упоминалось, почти никогда не плачет, ее трудно вывести из себя. Некоторые знакомые экстрасенсы утверждают, что в ней заложено что-то необычайное. Не смею возражать.

Мы живем вдвоем. Мать Томки и моя жена Марина Гамова бросила нас год назад. Это долгая и довольно грустная история, которую я, кстати, уже рассказывал. Моя матушка Софья Андреевна Данилова, в прошлом учительница физики и очень мудрый человек, говорит, что у некоторых женщин отсутствует материнский инстинкт. Я верю ей на слово, хотя до сих пор не могу смириться с мыслью, что из сотен тысяч женщин детородного возраста, живущих в нашем городе, я выбрал именно ту, у которой вместо сердца – замо-

роженное филе трески.

Но мы с Томкой не в обиде. Нам хорошо вдвоем. Дочка, конечно, первое время страдала, но, как я уже говорил, она похожа на резиновую игрушку: сожмешь ее в кулаке – крякнет, но вскоре примет прежние формы. Тамарка привыкла к отсутствию матери, теперь ее семья – это я.

Все просто...

...Утопив в унитазе несчастную гуппи, мы отправляемся спать. Точнее, я укладываюсь рядом с дочкой на ее тесной кровати в детской комнате. Балансирую, чтобы не упасть. Одна половина моего тела висит над полом. Томыч натягивает одеяло до подбородка.

– Пап, расскажи про Зайку и Самолетика.

– До конца дослушаешь?

– Постараюсь. Ты же знаешь, я не могу обещать.

Мне трудно удержаться от улыбки. Иногда Тамара ведет себя слишком взросло.

– Ладно, ты уж постарайся. Не хочется трещать вхолостую.

Томка почти не проявляла интереса к сказкам в купленных книжках, но, испытывая вполне объяснимую потребность общаться с дочерью перед сном, я сочинил для нее несколько собственных историй о трусоватом Зайке, который жил в дремучем лесу и никогда не видел неба, и его друге Самолетике. Однажды они встретились на опушке, позна-

комились и подружились.

По-моему, неплохая сказка получилась. По первому образованию я филолог, если кто запомит.

Я расправляю на коленях листы с отпечатанным на принтере текстом и начинаю читать.

2

«Зайка и Самолетик стали дружить и ходить друг другу в гости. Точнее, сначала в гости на летное поле приходил Зайка, потому что у Самолетика всегда имелись какие-нибудь неотложные дела. Ведь это был очень занятой и важный Самолетик, и он не любил слоняться по земле без дела.

Однажды Зайка очень долго сидел у кромки поля, наблюдая, как другие трудолюбивые самолетики взлетают и садятся, и все никак не мог отыскать глазами своего друга. И вот, наконец, он дождался.

Самолетик приземлился на полянке самым последним, когда солнце уже пряталось за деревьями.

– Фуф, – пропыхтел он, – устал. Привет, дружище!

– Привет, – ответил Зайка. Он во все глаза глядел на своего друга. Самолетик выглядел грустным. Крылья у него были облеплены зелеными листьями с каких-то неведомых деревьев и местами сильно поцарапаны. Правое колесико походило на пожеванный собакой старый башмак. Самолетик явно побывал в какой-то переделке.

– Что с тобой случилось? – спросил Зайка.

– Да так, – махнул крылом Самолетик, – упал.

– Упал?! Как?

Зайка от страха прижал уши. Он попытался представить, что это такое – упасть вниз с самого высокого голубого неба,

но не смог. Ведь сам Зайка никогда не падал, только кубарем катился с какой-нибудь кочки, когда очень торопился домой, спасаясь от волка или лисы.

– Не пугайся, – сказал Самолетик, – падать не больно.

– Как это не больно? Ведь это же так высоко!

Самолетик ничего не ответил. Только откатился в сторону, покачал крыльями, отряхнулся, потопал колесиками. Потом фыркнул пропеллером.

– Придется менять колесо, – сказал он.

Зайка робко подполз ближе. Ему очень хотелось узнать, что же произошло с Самолетиком в небе.

– Почему ты такой грустный? – спросил Зайка.

И Самолетик ему рассказал.

Он летел над далеким лугом. Он давно хотел к нему слетать, но все не хватало времени – ведь это был очень занятой Самолетик. Он летел и радовался жизни. У самой земли порхали разноцветные бабочки, которых можно было увидеть даже с большой высоты. Впереди за лугом тянулась голубая ленточка реки, на берегу коровы жевали сочную зеленую траву.

Вдруг совсем рядом Самолетик увидел летящую ворону.

– Привет! – каркнула ворона.

– Привет! – радостно сказал Самолетик. Он всегда радовался новым знакомым и с удовольствием готов был с ними поболтать, если позволяло время.

– Ты что тут делаешь? – спросила ворона. Кажется, она была чем-то недовольна.

– Я лечу к дальнему лугу.

– Ты уже долетел! Вот я и спрашиваю, что ты тут делаешь, на дальнем лугу?

Самолетик растерялся. Он не понимал, почему ворона сердится.

– Ты не можешь тут летать! – каркнула та. – Потому что небо – для нас.

– Для кого – для вас?

– Для птиц!

Ворона летела теперь совсем близко, возле самого крыла.

– Небо – для птиц! Небо – для птиц! – кричала она. – А ты летать не должен, потому что ты не птица!

– Но, – расстроился Самолетик, – я же летаю! Разве ты не видишь?

– Вот именно! Ты не птица, а летаешь! Ты тяжелый и железный, и на носу у тебя пропеллер, который жужжит как противная муха. Ты слишком шумный и от тебя много дыма! Улетай отсюда!

Самолетик уже чуть не плакал – так сильно он расстроился.

– Мне нравится летать! Почему я не могу делать то, что мне нравится!

– Если все будут делать то, что им нравится, начнется кошма-аррр!

Самолетик хотел еще что-то возразить, но ворона ему помешала.

– Кошма-аррр!!! Каррррр!!! – кричала она. – Небо – для тех, кто рожден птицей!!! Улетай отсюда, улетай, улетай!!!!

Ворона подлетела поближе и клюнула его в крыло.

Самолетику не было больно, но от неожиданности он покачнулся и полетел вниз. Земля мчалась навстречу, ветер свистел, и Самолетик зажмурился, испугавшись, что упадет и расшибется.

«Почему я не могу летать?! – думал он про себя. – Даже если я железный и слишком шумный, что с того! Ведь я умею летать! Почему ворона может мне указывать, что мне делать? Ведь она всего лишь ворона».

Самолетик открыл глаза и зарычал пропеллером, пытаясь взмыть вверх. Но земля была уже слишком близко...

...Зайка слушал его историю, прижав уши.

– И ты упал? – спросил он.

– Да, – ответил Самолетик, – но упал не больно, только проехал пузом по траве и поцарапал крылья. Да вот и колесико поломал. Но все это не страшно.

– А что тогда страшно?

– То, что сказала ворона.

– Но ведь это неправда! – закричал Зайка, вставая на задние лапки. – Летать могут все!

– Даже зайцы? – рассмеялся Самолетик. Ему нравилось,

что друг переживает за него. И еще ему было забавно видеть, как Зайка, маленький пушистый Зайка с длинными ушами, готов был броситься защищать друга.

– Даже зайцы могут летать! – кричал он. – Ведь я же летал с тобой!

– Да, ты летал.

– И ворона сказала неправду! Небо – для всех.

И Зайка мечтательно уставился вверх, в голубые небеса. Он знал, что небо для всех, ведь он мечтал о нем всю жизнь.

– Да, небо бескрайнее, – согласился повеселевший Самолетик. – И оно – для всех. Пока, Зайка! Спасибо тебе!

И Самолетик покатился в гараж чинить порванное колесо. Он его обязательно починит и снова полетит к дальнему лугу.

Ему все равно, что думают вороны. Он будет летать.

Потому что летать могут все».

...Томка спит, отвернувшись к стене. Моя правая рука, на которую она улеглась, страшно затекла. Я пытаюсь освободиться, но Томка тут же хватает меня своей маленькой клешней и бормочет сквозь сон:

– Стой! Никуда не пойдешь... я буду Зайка, а ты – Самолетик... будем летать... хм...

3

Проснулись поздно. В летнее время мы редко поднимаемся раньше восьми. Мне не нужно спешить в офис, а воспитательница Олеся Лыкова (наша соседка по подъезду и вообще старый друг семьи) всегда говорила, что детский сад создан для детей, а не наоборот, то есть когда сможете, тогда и приводите. Учебный год у наших ребятишек уже закончился, а завтраки в садике Томка упрямо игнорирует, предпочитая кушать со мной утром на кухне.

Пока я готовил себе яичницу, а дочке йогурт и хлопья с молоком, Томка торчала в моей спальне. Войдя в комнату, я обнаружил ее стоящей у окна.

– Нашла что-то интересное?

– Ага. Пап, посмотри, что они делают?

Я подошел к окну. Рядом с нашим домом находилась школа. В эти минуты в школьном дворе проходил Последний звонок. Каждый год в конце мая мальчики и девочки в белоснежных одеждах выстраивались буквой «П» перед трибуной, а директор школы (или завуч, бог его знает) кричала в микрофон страшные вещи о взрослой жизни, поджидающей подростков за пределами двора. Всякий раз, глядя на них с высоты своего шестого этажа, я с легким душевным волнением констатировал, что стал старше еще на один год.

– Они закончили школу и теперь думают, что делать даль-

ше, – сказал я.

– А я тоже такой стану?

– Конечно.

– И тоже буду думать?

– Я надеюсь.

Она хлопнула в ладоши.

– Клево! А теперь хлопьев мне побольше!

– Я не официант, сама о себе позаботься.

– Вот так всегда...

По дороге на кухню она снова отвлеклась. Она отвлекается постоянно: например, отправляясь в ванную мыть руки, обязательно зацепится за какой-нибудь валяющийся на полу шарик, чтобы сделать несколько бросков в стену; посиживая в туалете с задумчивым видом, начнет разматывать рулон туалетной бумаги, чтобы узнать его длину; у киоска с мороженым не забудет рассказать продавщице, как прошлым летом ее лизнула в попу собака. Жизнь не замирает ни на минуту. Исключение, наверно, составляют паззлы и телевизор, настроенный на детский канал, – в обоих случаях она может пропасть на час или два, и я не услышу от нее ни звука. В остальное время она порхает по жизни, как любопытный мотылек – только успевай ловить.

Короче говоря, выйдя из спальни в коридор, она тут же свернула в свою комнату, взяла две килограммовые гантели, подняла их на уровень плеч, опустила, потом снова подняла, потом вытянула руки вперед.

– Уф! Как тяжело наращивать мускулы.

– Зачем тебе мускулы?

Она постояла молча, опустила гантели на пол. Согнув руку в локте, оценила ширину бицепсов. Очевидно, осталась не очень довольна.

– Ну, как тебе сказать, пап... вот у тебя есть мускулы, ты сильный и добрый. У Ваньки Лыкова есть мускулы, он тоже ничего. У Олеси Петровны...

Я замер.

– Вот у Олеси Петровны есть классные титьки! А у меня ничего нет – ни мускулов, ни титек. А мне еще надо в бадминтон научиться играть.

«О боже, бадминтон!» – подумал я. Сдуру купил на прошлой неделе две ракетки на распродаже в супермаркете и теперь не могу отделаться от ее нового хобби.

– Титьки у тебя еще вырастут, – ответил я. – А ты считаешь, у Олеси Петровны – классные?

– Лучше, чем у мамы! Ладно, пап, пойдем завтракать, что-то я проголодалась после зарядки.

И она отправилась в кухню, а я порадовался, что ее не слышит моя бывшая жена. Марина считала, что я тайно влюблен в Олесю и всякий раз, когда выпадает возможность, жадно поедаю глазами ее фасад и заднюю часть, хотя, по мнению Марины, она того не заслуживала: «Грудь у нее – нулевка! И зада нет!». Она была права лишь отчасти: следуя своим мужским инстинктам, я рассматривал Олесю не меньше

и не больше, чем других привлекательных женщин, а размеры груди (по-моему, у нее хорошая «троечка») и других частей Олеси интересовали меня лишь во вторую очередь. Она просто хороший человек... хотя и не очень везучая в личной жизни – муж оставил ее одну с восьмилетним сыном, встретив другую женщину. Зря он это сделал, на мой взгляд, погорячился, но ведь жизнь не всегда принимает в расчет наши намерения, верно?

В детский сад, что находился за соседним домом, мы явились уже около половины десятого. По пути застряли в лифте. В последние дни кабина что-то стала барахлить. Обычно она притормаживает на каком-то этаже, скрипит, повизгивает, а теперь еще и останавливаться стала. Или дверь не открывает, когда прибывает на нужный этаж. Кнопки вызова диспетчера и экстренной остановки у нас были перепутаны. Желая остановить кабину самостоятельно, ты всегда натыкаешься на диспетчера, а казенная тетка явно не настроена с тобой любезничать. Перебросить контакты с одной кнопки на другую за несколько лет так никто и не удосужился.

Томка не испугалась, когда в кабине установилась тишина и погас свет. Просто прижалась ко мне, обхватив ногу. Нас вызволил сосед с пятого этажа, вызвавший лифт со своей площадки. Я его предупредил, что он может оказаться в такой же ситуации, и мужчина передумал входить в кабину, вместе с нами пошел вниз пешком.

Томка тащила с собой свои дурацкие ракетки для бадминтона. Они по дороге трижды падали, вынуждая меня останавливаться и помогать привести ношу в порядок. Но ничто не могло меня сегодня расстроить. Детвора резвилась на участках, цветущие яблони (они нынче зацвели поздно) белыми шапками прикрывали территорию садика от яркого солнца, весело чирикали птицы, воспитатели ходили взад-вперед с лейками, набирали воду из торчащей в стене трубы, поливали цветочные клумбы. Пожалуй, не совру, если скажу, что майское утро, когда я веду ребенка в садик, – едва ли не любимое время дня.

Олеся приветствовала нас улыбкой. Она выглядела уставшей. Хрупкая и симпатичная тридцатилетняя женщина приходила на работу в семь утра и уходила спустя двенадцать часов, имея лишь небольшой перерыв на обед, когда нянечка соглашалась подменить ее во время тихого часа. Олеся категорически не соглашалась делить смену на двоих, хотя заведующая детским садом предлагала ей снизить нагрузку, дабы окончательно не подорвать здоровье. Она не хотела терять в зарплате.

– Доброе утро, Антон Васильевич.

– Доброе утро, но не Васильевич, а просто Антон.

– Ну да, я забыла...

Олеся всегда переходила на «вы» в присутствии посторонних, но если это было еще терпимо, то обращения по отчету я не переносил физически.

– Как твое ничего? – спросил я, отпуская Томку на участок.

– Нормально. Вечером давление подскочило, толком и не спала.

Я кивнул. У Олеси действительно под глазами остались темные круги. Она даже не пыталась их замаскировать. Когда я видел нашу добрую соседку такой, мне хотелось что-нибудь сделать для нее – например, принести пакет с продуктами из супермаркета, сделать ремонт в квартире или подарить ко дню рождения поездку в дом отдыха на двоих с сыном. Но Олеся не позволяла себе принимать помощь, потому что была очень гордой, пусть внешне и походила на тщедушного кролика, готового кушать морковку с рук. Максимум, что мне удалось сделать – это собрать родительский комитет и назначить Олеське небольшую премию к Новому году, когда прежняя проворовавшаяся администрация детского сада, успешно замененная нынешней весной, незаслуженно лишила ее части зарплаты. Впрочем, даже тогда Олеся продолжала упираться, настаивая на том, что она сама справится и не полезет в карманы родителей. Еле уговорили ее принять от нас помощь, которую она вскоре потратила на цветной струйный принтер для нужд группы.

А еще мы с Томкой время от времени просто спускаемся к Олесе и Ваньке домой на второй этаж с тортом и конфетами, пьем чай и разговариваем. Никакой другой помощи Лыкова от меня не принимает категорически.

Этим утром, глядя на ее изможденный вид, я не мог не повторить свое предложение:

– Взяла бы ты несколько отгулов, да поехали бы с Ванькой на озеро.

– А кто ж отпустит?

– Я поговорю с заведующей. Два дня на недельке она тебе найдет, уверяю, приплюсуешь их к выходным – вот тебе и четыре дня полноценного отдыха.

Олеся молчала, смотрела на своих сорванцов. Томка уже собрала вокруг себя целую толпу, выбирала партнера для игры в бадминтон. Забраковала двоих мальчишек и остановила выбор на старой подружке Кате, с которой периодически то дралась, то обнималась.

– С заведующей мы бы договорились, – согласилась Олеся, – а вот денег точно не хватит.

– Я дам тебе займы.

Сказавши это, я тут же покраснел. Приготовился выслушать отповедь, но Олеся промолчала.

– Ты меня слышишь?

– Слышу, Антон, слышу.

Она покачнулась. Я едва успел подхватить ее за руку.

– Может, к врачу?

– Не стоит. С недосыпа качает. Дотяну до сон-часа, лягу вместе с ними, подремлю.

– Это будет правильно.

Я внимательно поглядел на нее, убедился, что она не рух-

нет наземь.

– Ладно, звони, если что.

– Если – что? – Она кокетливо вскинула бровь.

– Ничего, – смутился я, – если нужна будет какая-то помощь, звони, я или сам приеду или парней своих пришлю.

– Спасибо, Антон. Но ничего не потребуется, все будет нормально, можешь спокойно работать.

– Ладно... Томыч, я пошел!

Дочь, увлеченная бадминтоном, даже не услышала. Она готовилась к подаче. Размахнулась, подбросила воланчик. Промахнулась. До меня тут же донеслось ее рассерженное «Балин!!!».

Я еще раз взглянул на Олеську, потом направился к воротам. Я спиной чувствовал на себе ее внимательный взгляд. Как я уже рассказывал, нам с ней ничто не мешало начать какие-то иные отношения, отличные от добрососедских. Оба состояли в разводе, оба имели детей, которые неплохо ладили друг с другом, хотя и отстояли в возрасте на три года (Ванька заканчивал второй класс), оба прекрасно понимали ценность хороших и правильных отношений между мужчиной и женщиной... но что-то мешало. Однажды мы чуть не поцеловались, когда пили вино у нее на кухне – нас спугнули перевозбужденные детки, вбежавшие с криками. Впрочем, может, ни к чему бы этот поцелуй и не привел. Кто знает, может, он лишь все усложнит. Как говорил один бразильский писатель, знающий толк в знаках судьбы, «еще не при-

шло время».

На углу, сворачивая к воротам, за которыми был припаркован мой автомобиль, я оглянулся. Олеся действительно смотрела на меня, но тут же сразу отвернулась и пошла на участок к детям.

В груди моей потеплело.

4

Детективное агентство мое, легкомысленно названное «Данилов» в честь основателя и бессменного руководителя, занимало офис в престижной высотке в центре города. Специфика работы не требовала постоянного присутствия сотрудников, поэтому я не стал размахиваться на серьезные апартаменты, выкупил три комнаты по тридцать квадратных метров и соединил их в длинную кишку со сквозными ходами. В левой комнате устроил небольшой улей для своих неутомимых трудяг, посередине перед входом разметил гостевой холл со стойкой администратора, а сам занял правое крыло, отгородившись от холла небольшой приемной.

Центральный холл – вотчина моего офис-менеджера Насти Голубевой, девушки во всех смыслах примечательной. Яркая внешность ее обманывала всякого, кто полагал, что девочка способна лишь раскладывать на компьютере пасьянс и торчать в социальных сетях. Настя владела двумя иностранными языками (ради нее, собственно, я выучил фразу на французском «Привет, моя милая, как твои дела?»), и она когда-то приходила в неопишуемый восторг от такого утреннего приветствия), блестяще разбиралась в моей подчас запутанной документации и очень здорово выполняла функции трафик-менеджера, способного направить суматошные потоки посетителей, звонков и письменных обраще-

ний в нужные русла. Впрочем, иногда она все же вела себя как обычная молодая девушка, свободная от всяческих обязательств – задерживалась с обеденных перерывов, пропадая то в салоне красоты, то в магазине на распродаже лифчиков, или опаздывала на работу утром после бурной ночи в клубе с очередным бойфрендом, пообещавшим ей удачное замужество. Мы довольно неплохо ладили с ней. По крайней мере, я не припомню случая, когда мне приходилось повышать на нее голос или накладывать серьезные взыскания.

– Доброе утро, Антон Васильевич! – встретила она меня традиционной утренней улыбкой. – Вам кофе сейчас или попозже?

– Сейчас.

– Тогда возьмите почту.

Она выложила на стойку пачку почтовых конвертов и несколько рекламных проспектов и сразу умчалась в маленькую кухню, обустроенную в левом крыле.

В приемной моего кабинета трудился Петя Тряпицын. Он сидел за столом перед большим монитором, спиной к окну. Моего появления он не заметил. Петя – единственный человек в моем подчинении, которому я позволял «не отдавать честь», не вставать и не реагировать, даже если я буду танцевать вокруг него с шаманским бубном. Петр Тряпицын – мозги моего предприятия, мой аналитик, моя информационная база, моя педаль сцепления и вся бортовая электроника. Тридцатидвухлетний умница, логистик и программист, год

назад отказался от моего щедрого предложения стать партнером с вложением некоторой суммы на развитие предприятия. Он сослался на отсутствие тщеславия и талантов организатора. Я не стал настаивать, но у Петра оставалась самая высокая зарплата и большие преференции. Я не мог позволить себе его потерять.

Петя отвлекся от монитора, лишь когда услышал звон моих ключей. Я отпер дверь кабинета.

– Доброе утро, – сказал он.

– Привет, старик. Есть что интересное?

Он посмотрел в монитор.

– Пожалуй, нет. Два договора на аутсорсинг, проверка контрагентов, один запрос от пострадавших в ДТП, ищут сбежавшего виновника и свидетелей, просят помочь. Так, проверить няню... видеосъемка... это я уже отдал ребятам. – Петя несколько раз нажал кнопку мыши. Поняв, что я ожидаю у двери, он поспешил меня отправить: – Ладно, если что, я занесу.

– Хорошо.

В кабинете я потянулся, похрустел суставами, расположился в кресле. Настя принесла кофе с печеньем, задержалась у стола, ожидая моего вердикта. Сделав первый глоток, я удовлетворенно кивнул.

– Сегодня замечательно как никогда.

– Я всегда такой делаю.

– Значит, ты всегда делаешь замечательно.

Я пил кофе, но Настя продолжала стоять возле стола. Это означало, что с языка готова слететь какая-нибудь просьба, но воспитание не позволяет ей заговорить первой. Как джентльмен (даром, что работодатель и вообще Господь Бог на этих девяноста квадратных метрах) я должен был облегчить ей задачу.

– Чую, что-то хочешь сказать.

Настя кивнула с видом маленькой девочки, присмотревшей в магазине игрушек любопытную вещицу. Если бы она еще приложила указательный пальчик к щеке, стала бы как две капли воды похожа на мою дочь Тамару.

– Я слушаю тебя.

– А вы не будете ругаться?

Я выдохнул.

– Анастасия, ты хуже Томки! Говори, что случилось?

– Двенадцатого в Москве выступает Стинг...

Дальше она могла не продолжать. Я перевел взгляд на настенный календарь. Двенадцатое июня – праздничный день, пресловутый «день независимости России от каких-то мифических колонизаторов». В длинные выходные я отпускаю народ на все четыре стороны, исключая сотрудников, ведущих горячие дела – охранников, детективов, юристов. Все остальные вольны отправляться хоть в деревню картошку копать, хоть в Кению на львов охотиться. Настя Голубева относилась к вольным сотрудникам, чей график работы полностью соответствовал Трудовому кодексу.

– Стинг, говоришь...

– Угу. Я билет еще зимой купила.

– В «Олимпийском?»

– Ага.

– Одна собираешься?

Она покачала своей очаровательной белокурой головкой, покраснела.

– С подружкой.

– Знаю я твоих подружек. Когда вернешься?

– Ну... – Она покраснела еще гуще, – если вы дадите мне в счет зарплаты денежку, я смогу заказать сейчас билет на самолет. Во вторник четырнадцатого выйду на работу как обычно.

– А если не дам?

– Ну, тогда только в среду, потому что поездом.

Я почесал подбородок. Это был шантаж. Зная мое меломанское прошлое и помня о моей недавней поездке в Москву на концерт Роджера Уотерса «Стена», Настя решила надавить на слабое место. Не факт, что она на самом деле собирается на Стинга, я не исключаю, что весь этот развод придуман ради внепланового аванса. Я мог бы потребовать предъявить билеты, но Настя знала, что я этого не сделаю.

Кажется, я разбаловал подчиненных. Жизнь с дочкой накладывает отпечатки – я похож на хлебный мякиш.

– Ладно, подумаю.

Настя перестала краснеть. Даже, скорее, нахмурилась.

Я же полностью посвятил себя кофе.

День выдался на удивление долгий и на редкость пустой. Договоры на проверку контрагентов я подписал уже до полудня. Ко мне приехали два бизнесмена, одетые в очень дорогие костюмы и похожие друг на друга как близнецы. В первые минуты нашего общения я думал, что это всего лишь метафора, но когда пришло время подписывать бумаги, я удостоверился, что они на самом деле братья. Парни занимались продажей вторичного сырья, и сейчас у них наклеивалась сделка века, которая позволила бы в следующие несколько лет ковыряться в пупке, валяясь где-нибудь на пляже во Флориде. Они желали удостовериться, что сделка с сибирскими партнерами будет чистой и безопасной. Разъясняя суть дела, оба очень стеснялись, как два подростка, просившие разрешения у контролера кинотеатра пройти на взрослый фильм. Меня это не удивляло. Проверять чистоту сделок и контрагентов у наших бизнесменов (да и обычных граждан) вошло в привычку не так уж и давно. Я успокоил братьев, что сделаю все от меня зависящее.

После их ухода я пообедал в буфете на втором этаже. Съел солянку и котлету с картофельным пюре. Запил клюквенным морсом. Вернувшись в офис, разобрал утреннюю почту. Половину конвертов отправил в мусорную корзину, половину сложил в ящике стола до лучших времен.

Повертелся на стуле.

Покурил.

Даже подремал.

Не припомню ни одного подобного дня в мою бытность оперуполномоченным уголовного розыска.

Очнулся я от стука в дверь. На пороге стоял Петр.

– Его высочество скучает? – без улыбки поинтересовался он.

– Ага.

– Есть развлечение.

Я потянулся, протер заспанные глаза. Электронные часы на тумбочке в углу утверждали, что уже 16:23. Через полтора часа мой рабочий день мог закончиться.

– Проси.

Это был не клиент, а клиентка. Примерно моя ровесница, может, плюс-минус два-три года. Впрочем, я мог и ошибаться. Я не так давно ходил на встречу одноклассников и имел возможность убедиться, что внешность очень обманчива: все мы, рожденные в один год, выглядели весьма пестро – один лыс, другой чрезмерно толст, третий поседел, как Санта-Клаус, у четвертого на носу повисли профессорские очки... я уж не говорю о наших девчонках, которых жизнь покорежила так, что хотелось плакать.

Словом, той даме, что присела за мой рабочий стол, могло быть сколько угодно лет.

– У меня к вам очень важное дело, – сказала она сразу после приветствия.

– Разумеется, – ответил я, – с другими делами к нам не обращаются.

Пока она искала что-то в сумочке, я украдкой оглядел ее. Одетая хорошо, добротна. Макияж почти отсутствует, но это ее совсем не портит. Пожалуй, она могла бы и вовсе не пользоваться им. Русые волосы до плеч, неплохая фигура, но движения очень скованны. Очевидно, дело не столько в том, что она робела в моем кабинете (очень немногие мои посетители ведут себя достаточно уверенно – мой кабинет иногда поразительно напоминает приемную врача-венеролога в ма-

леньком городке, где все друг друга знают). Скорее всего, дама давно не чувствует себя комфортно, и причину этого мне еще предстоит узнать.

Она положила на стол фотографию.

– Вот.

Со снимка на меня смотрел молодой человек приятной наружности. Точнее, юноша. Очень сосредоточенный, задумчивый.

– Меня зовут Ольга... Ольга Круглова. Мой сын пропал.

Она старалась держать себя в руках. Получалось довольно неплохо, рыданий в ближайшие минуты можно было не опасаться, из чего я тут же вывел предположение, что мальчик не пропал, а *сбежал*. Довольно частое явление по нынешним временам.

– Вы обратились в полицию?

– Да, конечно. Заявление приняли, кого-то из одноклассников обещали опросить, но сказали, что Сережа, скорее всего, вернется сам, нужно только переждать.

Я кивнул.

– Часто именно так и случается. Когда он пропал?

– Вчера. Не вернулся с вечеринки в честь последнего звонка. Они пошли с ребятами в кафе, но компания разбилась, все вернулись домой в разное время. Я уже обзвонила знакомых родителей, но зацепиться не за что.

Я вспомнил, как мы с Томкой утром стояли у окна и наблюдали церемонию прощания подростков с беззабот-

ной жизнью в школьном дворе. Старшеклассники изнывали от директорской велеречивости и спешили скорее покинуть стены родного учебного заведения.

– Разве последний звонок не сегодня?

– В нашей школе был вчера. Иногда у разных школ бывает разброс в день-два, а у нас там что-то с ремонтом, какие-то организационные проблемы... В общем, после утренней праздничной линейки Сережка вернулся домой, пообедал, полежал на диване в комнате... – Ольга положила руку на грудь, вдохнула. Очевидно, именно лишь сейчас, рассказывая о своей проблеме постороннему человеку, она и начала по-настоящему волноваться. – Вы знаете, я не пристаю к нему с расспросами с недавних пор, но мне показалось, что он был чем-то расстроен. Сказал, что поспит немного, а вечером пойдет с одноклассниками на дискотеку. Я оставила ему тысячу рублей.

Я кивнул. Уж не знаю, что подумала моя гостья, но она сразу стала оправдываться:

– Вы же понимаете, все-таки последний звонок. Согласитесь, нельзя, чтобы сын чувствовал себя как-то ущербно рядом со сверстниками. Тысяча рублей, нормально.

– Согласимся. – Я попытался улыбнуться. – Что было потом?

– Потом он принял душ, переоделся и ушел.

– Сказал, когда вернется?

Ольга смутилась.

– Честно говоря, не знаю. Я была на кухне, слышала только как хлопнула входная дверь. А потом мы созвонились лишь через три часа, когда они сидели еще в кафе.

– А позже?

– Позже его телефон уже не отвечал... а теперь он и вовсе отключен.

Ольга опустила голову, прикрыла рукой глаза. Слез и всхлипываний я не услышал, но и без них было понятно, насколько паршиво моей гостье.

Я нажал кнопку внутренней связи.

– Настя, воды, пожалуйста... и аптечку захвати.

– Всю? – удивилась та.

В последний раз, когда я просил принести *всю аптечку*, у нас в офисе разыгралась настоящая драма: обманутая супруга расцарапала лицо загулявшему мужу (а перед этим я сам отправил его в нокдаун, защищаясь от нападения).

– Что-нибудь успокоительное, – уточнил я. – Давай мухой.

В ожидании медицинской помощи я придвинул Ольге пакетик с бумажными платочками, но он ей не потребовался. Она отняла руки от лица. Слез по-прежнему не было.

– Вы знаете, почему он ушел, не так ли? – предположил я.

Ольга отвернулась к стене.

Вопрос попал в точку.

Сережка Круглов был необычным мальчиком. Конечно, можно спорить: покажите мне родителя, который считает

своего ребенка заурядным, и я покажу вам ненормального родителя. Но, судя по всему, в данном случае парень действительно мог смело претендовать на титул чудака. Футбол презирал, на перекладине подтягивался от силы два раза при нормативе одиннадцать, машинами не интересовался, на девчонок смотрел как на друзей.

Чем же он тогда увлекался?

Много читал. Запоем. Покупал на сэкономленные деньги новую книжку, садился на кухне, втискивая зад в узенькое пространство между обеденным столом и подоконником, включал радиоточку и читал. Жюль Верн, Проспер Мери-ме («Хроники царствования Карла XII» – неожиданный выбор для четырнадцатилетнего подростка, сверстники которого поглощены трепом в социальных сетях), морально устаревший и забытый ныне Майн Рид, вечно актуальный Борис Акунин, Кафка (боже!), Зюскинд, не говоря уже о Гарри Поттере, которого он высосал в несколько глотков, как иной его сверстник выпивает полуторалитровую бутылку пива – дождался выхода последней книги и все семь за полгода прочел; по прочтении пребывал в глубокой задумчивости, потом сказал матери: «Знаешь, насчет „Даров смерти“... ничего яснее о фашизме я никогда не читал даже в учебниках по истории».

Слушал джаз, рок 70-х, Бетховена, Моцарта, Чайковского, в двенадцать лет увидел фильм «Белые ночи» с Михаилом Барышниковым, полюбил балет. Собирался поступать

на филологический факультет (чем невероятно меня подкупил), но вдруг пристрастился к компьютеру, причем не к банальному потреблению стрелялок, а именно к прикладному использованию.

– Я же видела, каким он растет! – сокрушалась Ольга, тебе очередной бумажный платок из моей упаковки, хотя слезы по-прежнему не шли. Видимо, они застревали где-то внутри и там разбухали. – Я ничем не могла ему помочь, хоть и сама закончила вуз. Я дипломированный инженер-технолог, но по специальности практически не работала. Когда Союз начал распадаться, ушла в торговлю, там и пропала на много лет.

– А его отец?

Ольга замолчала. С отцом что-то не клеилось. Довольно распространенная ситуация.

– Я растила его одна, – последовал жесткий ответ.

Что ж, я так и думал.

– Вот и не пойму, в кого Сережка такой получился, – продолжала стенать Ольга. – У родителей моих тоже не было никакой склонности к гуманитарным наукам, отец трудился на стройке, мать в швейной мастерской. Книг хороших было мало, доставали только по макулатурным талонам, если вы помните, выдавали определенное количество штук на руки, как колбасу, не больше и не меньше, по спискам. Грампластинками тоже никто не увлекался, а на магнитофон заработали только в перестройку. Сама-то жила в вакууме. А вот

Сережка...

– Считайте, что вам повезло.

Ольга перестала шмыгать носом, внимательно посмотрела на меня. Наверно, хотела возразить: «Считаете, расти изгоем – счастье?».

И, тем не менее, я настаивал:

– Ваш парень – интеллигент в первом поколении. Миссия сложная и ответственная, но непременно приносящая плоды. Теперь история вашей семьи будет развиваться в ином направлении.

«О, мудрейший!» – мысленно похвалил я сам себя и украдкой посмотрел в зеркало, висящее на боковой стене. Кажется, я порозовел от удовольствия.

На Ольгу, однако, мои слова произвели странное впечатление. Она погрузилась в глубокие размышления. Минуту или две она смотрела на фотографию своего сына взглядом, в котором читалось и недоверие, и восхищение, и надежда, и даже крушение оной. Взгляд матери, положившей на воспитание единственного сына все, что имела, и оказавшейся не готовой принять результаты. Что ж, Сережка, паршивы твои дела, если даже родная мама не принимает тебя таким, какой ты получился.

Чтобы прервать сеанс медитации, я задал вопрос:

– Простите, вы сейчас замужем?

Она перевела взгляд на меня.

– Почему вы так решили?

– У вас кольцо на пальце.

Она повернула руки ладонями к себе.

– Да, замужем.

– Давно?

– Три года. Сережке как раз исполнилось четырнадцать, вот на его дне рождения я их и познакомила.

Я почувствовал, что двигаюсь в верном направлении. Еще несколько метких бросков, и я распутаю это банальное дело.

– Ваши мальчики поладили?

Выражение ее лица изменилось молниеносно.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего, я всего лишь спросил.

– Я понимаю, куда вы клоните.

Она не сердилась. Она сама себя пыталась убедить в том, что я говорю глупости. Очень распространенная модель поведения – надеть розовые очки, чтобы жить долго и счастливо.

(«О, мудрейший!». Еще один косой взгляд в зеркало. Кажется, у меня даже нимб вокруг головы появился).

– Хотите сказать, у нас проблемы в семье?

– Если у вас нормальная семья, то проблемы в ней были, есть и будут. Позвольте мне повторить свой вопрос: ваши мужчины ладят?

Ольга молча полезла в свою сумочку, вынула блистер с крупными белыми таблетками. Ноготчком подцепила одну, закинула в рот и протянула руки к стакану с водой. Уви-

дев мой вопросительный взгляд, она пояснила:

– У меня давление. Иногда совсем никак.

– Тяжело, наверно, в такую жару?

Она кивнула.

Спустя минуту разговор продолжился.

– Я не знаю, ладят они или нет, – со вздохом призналась

Ольга. – Сережка всегда был за семью печатями, прятался в своем мире и никогда мне не докладывал, если что-то не получалось.

– А внешне? Как проявлялись их отношения внешне?

Ольга пожала плечами.

– Обычно, как у всех...

...Как у всех. Мантра. Пусть все у нас будет не хуже, чем у других, говорим мы себе, и жизнь кладем на достижение мнимого равновесия. Если не получилось у самих – передадим детям наше представление о мировой гармонии. Пусть хоть у них все будет не хуже других, пусть не растут изгоями, будут понятными и предсказуемыми, чтобы было с кем играть в детском саду, дружить в школе, чтобы нашел нормальную самку для спаривания, завел семью, продолжил род и нагрузил уже на своих потомков всю нашу нереализованность, надежды и отчаяние. И так будет во веки веков, аминь. Как говорил диснеевский Муфаса, таков вечный круг жизни, в котором каждый должен занять подобающее ему место.

Маленький Сережка Круглов боролся, как мог. Не афи-

шировал свою уникальность, но и не маскировался. Друзей хватало вполне – пара приятелей в школе, с которыми можно было обсудить тему для сочинения или последний фильм братьев Коэнов, и один настоящий друг, его понимающий. К четырнадцати годам парень уже мог вздохнуть свободнее, не пытаясь что-то доказывать; он всю жизнь посещал одну и ту же школу, к нему привыкли как к обычному умнику, увлеченному высокими материями. Словом, вне дома он мог чувствовать себя достаточно комфортно.

Но с отчимом как-то не заладилось.

Новый папа Игорь (скорее, *первый* папа, учитывая изначальное отсутствие биологического отца) решил, что парню не хватает мужской хватки. «Какой-то он рыхлый, неуверенный. Нужно активнее выражать себя!». Сам Игорь Устьянцев, пятидесятидвухлетний начальник зажиточной автобазы, детей почти никогда не воспитывал. Первую жену похоронил через два года после свадьбы – ее сбила машина. Во втором браке тоже продержался недолго. Жена родила ему дочь, а через три года сбежала с любовником. Махнул он рукой на женщин, решив, что ничего путного с ними все равно не получается. Отдался Игорь Артемьевич своему бизнесу с удвоенной энергией, пропадая на работе и днем, и ночью. Так и жил бы холостяком до конца дней своих, но встретил Ольгу Круглову, мать-одиночку со взрослым сыном. Жизнь даму не баловала, дорогих подарков от мужчин она не видывала, большой и страстной любви испытать

не успела, хотя была еще в самом соку. Приосанился Игорь Устьянцев, приободрился, посмотрел на себя в зеркало и решил, что вполне может сойти за Принца. Несколько пробежек по стадиону, десяток занятий в тренажерном зале – и хоть сейчас на обложку журнала.

В общем, сложилось у них все очень быстро, почти как в фильме у Захарова: «Вы привлекательны, я – чертовски привлекателен, так чего зря время терять». Тут подоспел день рождения Сережки, на котором Ольга и свела впервые двух своих мужчин. Они поговорили, рассказали друг другу о себе, а через несколько дней Игорь сказал, что свою квартиру он продаст, потом продаст и кругловскую, кое-что добавит и купит трехкомнатную в центре. Никто особо не возражал, только Ольга высказала осторожное предположение, что Сережке лучше бы остаться поближе к старой школе, потому что с его-то характером влиться в новый коллектив за считанные годы до выпуска будет ой как непросто. Принц поскрипел немного, но с доводами согласился.

Купили квартиру в том же районе. Школа осталась та же, и дорога к ней стала занимать времени лишь на пять-десять минут больше. И это, пожалуй, единственное, что осталось прежним в жизни четырнадцатилетнего Сергея Круглова.

Первые несколько месяцев папа Игорь лишь присматривался к юноше, изучал. На исполнение столь нехитрой роли его жизненного опыта и интеллекта вполне хватило. Уж бог весть какие выводы он сделал из своих наблюдений, но спу-

стя полгода позвал Сережку на разговор. Купил полторашку пива, усадил парня рядом и стал разговаривать «по-мужски».

(Диалог приводится не дословно).

– А скажи мне, дружище, что ты за человек?

Сережка флегматично вскидывает брови. Видно, что ему не очень нужен разговор; жил столько лет без мужского слова и оставшееся до совершеннолетия время потерпит.

– Что вы имеете в виду?

Игорь фыркает:

– И ты все еще обращаешься ко мне на «вы»! Давно пора стать проще и ближе. Все не привыкнешь никак?

Снова неопределенное пожатие плечами. У Сережки сегодня вечером планы – он хотел сходить к другу Вовчику посмотреть несколько интересных сайтов, посвященных изучению Солнца. Сергей с некоторых пор не любит заниматься этим дома, потому что дверь в его комнату теперь может распахнуться в любой момент без всяких прелюдий. Мать, конечно, стучится, но отчим такую привычку никогда не имел – вламывается без предупреждения, садится на диван, включает телевизор и чешет пузо.

– Вот так всегда – что ни спроси, все как-то плечиками туда-сюда, – обижается Игорь. Уровень пива в его бутылке понижается на треть. – Я никак не могу тебя раскусить. Что ты за человек? Что тебе интересно? Какие у тебя друзья?

О чем с тобой поговорить во время завтрака, например? Как ни спросишь, все какие-то ухмылки, ужимки и ничего конкретного.

Сергей краснеет. Несмотря на всю его тонкость, не стоит забывать, что он всего лишь четырнадцатилетний подросток, которому сложно говорить со взрослыми на равных. Только с матерью и, пожалуй, с учителем истории он мог бы дискутировать и пытаться отстаивать свою точку зрения, но с отчимом он пока не знает, как себя вести. Все, что ему удастся в данную минуту, это обильно покраснеть и выдать нейтральное:

– Не надо меня раскусывать.

– А что с тобой делать?

«Папаша» смотрит ему прямо в глаза. Он чувствует себя уверенно, и точно не скажешь, что именно придает ему уверенности – пиво или мысль об ответственности за парня.

– Может, оставить в покое? – предположил Сережа.

– Как так?

– Ну, у многих ребят в нашем классе родители так и сделали, и ничего страшного не произошло. Правда, некоторые чуть в тюрьму не угодили, но это, скорее, исключение, чем правило.

Игорь вновь прикладывает к бутылке. Странные слова произносит этот парнишка. «Исключение», «правило»... что он хочет этим сказать?

– Я знаешь что подумал?

– Нет.

– Может, мы с тобой пойдем мячик погоняем? У меня где-то в гараже остался хороший футбольный мячик. Что скажешь?

Сереежа втягивает голову в плечи. Ответить дерзостью он не может, но и принять предложение для него равносильно смерти.

– Я не знаю.

– Опять не знаешь. А что ты знаешь?

– Квадратный корень из двухсот пятидесяти шести.

– Чего?

– Ничего, это «гугл войс сёрч».

Игорь кивает: дескать, ладно, сопляк, понимаю, ты просто мои кишки на палец наматываешь.

– Короче, мячик попинать ты не хочешь.

Сереежа качает головой – выразительно, чтобы не осталось сомнений.

– И железом не увлекаешься?

– В смысле?

– В смысле гантелей, гирь, тренажерных залов.

– Нет, не увлекаюсь. Только в виде хард-рока.

– Рокер, значит...

– Нет, просто уважаю. «Металлику», «Дип Перпл», «Эй Си Ди Си»...

Игорь продолжает кивать с отрешенным видом, стараясь скрыть свое крайнее уязвление. Когда Сереежа заканчива-

ет перечисление незнакомых названий и имен, Устьянцев надолго прикладывается к бутылке. Пива остается совсем немного.

– А отвертку ты когда-нибудь держал в руках?

Сережа молчит.

– Молоток? Гаечный ключ? Ты умеешь делать какие-нибудь вещи, которые должен уметь любой нормальный мужик? Починить сливной бачок, например? А, интеллигент сраный?

Он пытается вложить в последнюю фразу все свое природное добродушие, но фальшивит, чем допускает фатальную ошибку. Сережка мог продолжать никчемный разговор, но после оскорбления даже та маленькая щелочка, что могла бы остаться между ними, исчезает. Причем Сережка обижается даже не на формулировку – видит Бог, за свою недолгую жизнь он слышал и более обидные вещи. Его оскорбляет *пренебрежение*. Игорь Устьянцев явно недолюбливает интеллигентов, даже, наверно, презирает. Контакт с вездомным разумом невозможен.

– Ну, чего замолчал? – спрашивает Игорь.

– Ничего. – Сережка встает со скамейки. – Пойду я. У меня еще много заданий на завтра.

– Заданий...

– Угу. Счастливо.

Не оборачиваясь, парень уходит. Игорь смотрит ему в спину насупившись. Ему неприятен этот парень. Слишком мно-

го достоинства для его лет. Слишком непочтителен. С этим нужно что-то делать...

...С тех пор у них и пошло все наперекосяк. Сережка старался не оставаться с Игорем наедине, на вопросы отвечал односложно, в пространные рассказы о том, как прошел день, не пускался. Попытки отчима давить ни к чему не привели. Что самое неприятное, Сережка не давал повода накричать на себя: по дому помогал исправно, в магазин ходил вовремя, мусор выносил без напоминаний, комнату свою содержал в чистоте и порядке, носки не разбрасывал, шумных гостей не водил, до полуночи на улице не шлялся. Игорь однажды пытался накричать на него из-за сушей ерунды (Сережка метнул фантик от конфеты в мусорное ведро, но промахнулся). Истерика эта выглядела столь жалко, что опешила даже мать. А Игорю просто хотелось проявить себя по-мужски, побыть немножко отцом, который журит непутевого сына. Не вышло.

Симпатий к мальчишке, не говоря уже о любви, это не прибавило.

– В общем, нормально они общались, как все, – резюмировала Ольга.

– Понятно, – отозвался я. – А теперь, значит, он не явился домой после последнего звонка. Никаких ссор, стычек или просто громких разговоров накануне вы не слышали?

– Нет.

– И Игорь вам ничего не рассказывал?

– Абсолютно. Он вел себя как обычно.

– А как обычно он себя ведет?

Ольга смутилась.

– Весь день проводит в конторе на автобазе, а вечером... вечером он либо во дворе с друзьями, либо дома с газетой, либо...

Она отвернулась к стене.

– Либо пьян?

Я не собирался ее щадить. Если пропал человек, тем более несовершеннолетний парень, корректность и такт должны покурить в сторонке. Иногда бывает важна каждая минута.

– Да, – прошептала Ольга.

– Часто пьет?

– Два или три раза в неделю.

– Много?

Шмыг носом. Совсем как моя Томка.

– По-разному. Иногда его приносят на руках коллеги, а иногда ограничивается бутылкой пива.

– Как он ведет себя в подпитии? Проявляет агрессию? Ложится спать? Бьет посуду?

– Достаточно. – Ольга резко повернулась ко мне.

– Мои вопросы вам неприятны?

Круглова замерла. Какие-то слова готовы были сорвать-

ся с губ, но повисли. Я смотрел на нее в упор, она – на меня. Она думала, что меня можно смутить, но мало кому удалось выйти победителем в подобных переглядках в моем собственном кабинете.

– Он бывает разный, – сдалась Ольга. – Но он никогда никого не бил, вы не подумайте.

«Уже подумал».

– Что ж, ладно, – произнес я, – общая картина ясна. Если вы хотите, чтобы мы приступили к поискам, прошу пройти в приемную к молодому человеку по имени Петр, оставьте все номера телефонов и адреса ваших родственников, включая тех, кто живет за пределами города или даже в других городах. Нам также нужны все известные вам адреса личных страниц Сергея в интернете, в социальных сетях, почтовые адреса и так далее. Если вы знаете какие-то телефоны его друзей, также прошу их надиктовать. Словом, вся информационная база, касающаяся вашей семьи.

Ольга кивнула. Я приподнялся, давая понять, что аудиенция окончена, но посетительница задержалась на мгновение.

– Вы найдете его?

Что я мог ответить? Врать в глаза не люблю даже ради успокоения, но уверенности в успехе предприятия не хватало.

– Будем стараться, Ольга.

6

Рабочий день таки закончился. Хотя стоит отметить, что у меня редко выдаются нормированные рабочие дни. В милиции я уходил со службы, когда требовала необходимость. Явиться изволь вовремя, а когда уйдешь – одному черту известно. Иногда пропадал в загородных командировках целыми сутками, не имея возможности ни позвонить, ни написать электронное письмо. К счастью, я тогда еще был не женат и мог позволить себе относительно раздольную жизнь (впрочем, если кто помнит, супружество мое и так закончилось весьма плачевно без всякой милиции).

В своем детективном агентстве правила для себя я, разумеется, устанавливал сам. Мне хотелось быть хорошим отцом для своей дочурки. Ждать милостей от бывшей жены Марины не приходится – за последние пару месяцев она видела Томку от силы три раза – так что приходилось волочить хомут в одиночку. Уходить старался в шесть, чтобы успеть в детский сад, но если не успевал, Олеся брала Томку с собой в магазин, иногда забирала к себе домой. В общем, как-то выкручиваюсь. Но в день визита встревоженной матери Сергея Круглова я сделал небольшое исключение: я закончил рабочий день в офисе и плавно перетянул его в свои вечерние хлопоты. Дело в том, что Кругловы проживали не очень далеко от моего дома, буквально в двух кварталах, и я мог бы

по дороге сделать много полезного.

Уходя из офиса, я пролистал бумаги с информацией, оставленной Ольгой.

– Негусто, прямо скажем. Как старообрядцы живут, в лесу, почти без всяких контактов. – Я отобрал несколько номеров. – Эти отработаю сам.

– Что-то серьезное? – спросил Петя.

– Вероятность невелика. Парень наверняка сорвался, слишком много сил отдал учебе, да и дома у него не все сладко. Побегает и вернется.

– А если?...

– А вот это я и хочу выяснить. Его одноклассники живут рядом, опрошу сам. А ты найди парня в сети, повиси на его страницах. Нароешь что-то интересное – пиши.

– Хорошо.

В холле ожидала Настя. Обычно в начале седьмого от нее не оставалось даже шлейфа духов.

– Ты чего не уходишь?

Девичьи щеки залил румянец.

– Антон Васильевич, вы обещали подумать.

– Над чем?

Я валял дурака. Конечно, я помнил о концерте, но мне иногда нравилось чувствовать себя повелителем.

– Я хочу на Стинга... мне бы авансик небольшой на билетик до Москвы.

– Авансик, билетик... Какая твоя любимая песня у Стин-

га?

Это было довольно жестоко с моей стороны. На своем рабочем месте Настя почти всегда включала музыку, и за два года ее работы я прекрасно изучил репертуар. Никакого Stingа там рядом не стояло даже в кавер-версиях.

Настюха еще обильнее краснела, мычала, но дальше «Англичанина в Нью-Йорке» дело не шло.

– Ладно, расслабься. – Я вынул из кармана бумажник, отсчитал несколько купюр. – Столько хватит?

Девушка просияла.

– Да, конечно, спасибо большое, Антон Васильевич!

– С тебя фотоотчет и интервью.

На мгновение она помрачнела.

– Шучу. Все, я ушел.

Я покидал офис в довольно благодушном настроении и думал о том, как, по сути, просто сделать человека чуточку счастливее. Какой-то мудрец от бизнеса говорил: пусть каждый из твоих сотрудников выиграет в чем-то своем, и тогда вместе с ними выиграешь и ты.

По пути домой застрял в чудовищной пробке. На важном перекрестке, через который только и можно было попасть в наш спальный район на северо-западе, случилась страшная авария, приехали гаишники и даже скорая, не выключавшая проблесковый маячок. Я передвигался со скоростью не более десяти метров в минуту. Смотрел на часы и нервничал.

Не люблю опаздывать.

Позвонил Олесе:

– Привет, как вы там? Потеряли меня?

– Да нет, если тебя это не очень огорчает.

– Огорчает, конечно.

– Шучу. Томка тебя уже заждалась, изрисовала все оставшиеся у меня чистые листы бумаги. Рисует тебя в машине, спешащего домой за любимой девочкой.

– Машина с открытым верхом?

– Да, похоже на «феррари».

– У нее неплохой вкус. Как ты себя чувствуешь, Олесь?

Она вздохнула. Очевидно, чувствовала не ахти. Если уж утром выглядела словно измятая подушка, то к вечеру полтора десятка «вождей краснокожих» могли превратить ее в мочалку.

– Нормально, Антон. Ты приезжай поскорее, пожалуйста, у меня еще есть дела.

Мне стало стыдно. Черт возьми, уже не впервые я своими опозданиями нарушаю ее вечерние планы. Олеся женщина терпеливая, отзывчивая, но всему есть пределы. Если она просит приехать побыстрее, значит и ее терпению приходит конец.

Нужно что-то придумывать со своим расписанием. Подключать бабу Соню, например, или пытаться образумить Марину, напомнить о материнском долге.

Я приблизился к заблокированному перекрестку. Мое-

му взору предстала жуткая картина: на асфальте, лицом вниз, раскинув руки в разные стороны, лежал молодой человек, вокруг головы расплывалось красно-бурое пятно крови. В том, что парень покинул список живущих, не могло быть ни малейших сомнений – с такой травмой не живут. Голова даже слегка примялась.

Сердце мое гулко стучало. Отвык я от мертвечины. В уголовном розыске на «мокруху» выезжали регулярно, и картины я видал такие, что не приведи господи. Но за семь лет работы моего детективного агентства убийства нам практически не попадались. Несколько раз отработывали свидетелей убийств по просьбе моих клиентов или по запросу из официальных органов, но непосредственно со жмуриками я больше не сталкивался. Сейчас при виде этого несчастного парня, попавшего под железную лошадь, у меня внутри что-то очень серьезно перевернулось. Бедолага куда-то не дошел, кто-то его сегодня не дождался и не дождетя никогда. Несколько минут назад он *был* – сейчас его нет. Он чей-то сын, брат, внук, чей-то любимый, может быть. Я сам отец, и иногда от подобных мыслей все мои внутренности превращаются в лед.

Кажется, я начинаю понимать состояние моей сегодняшней клиентки. Точнее, я понимаю состояния клиентов почти всегда, но сейчас я его *чувствую*. Сережку Круглова надо найти и вернуть в лоно семьи как можно скорее, и пусть они сами разбираются, живые и здоровые, кто от чего бежит.

К детскому саду я подъехал уже ближе к половине седьмого, почти к самому крайнему сроку, прописанному в договоре. Олеся, Ваня и Томка в одиночестве сидели на участке под цветущей яблоней. Ваня читал учебник (парень, напомним, заканчивал второй класс и, будучи молчаливым увальнем, подвижным играм предпочитал хорошую книжку), Томка рисовала, положив лист бумаги на колени.

– С меня причитается, Олесь.

Она улыбнулась. Серые круги под глазами стали видны отчетливее, в самих глазах застыла усталость. Видя, как я изменился в лице, она поспешила успокоить:

– Не смотри так, просто давление скачет.

– Справишься?

– Конечно.

Я подошел к дочери.

– Томыч...

Она продолжала рисовать, не поднимая головы. Сосредоточенно шмыгала носом.

– Подожди, пап, я уже не закончила.

– Надо говорить «еще не закончила». У нас много дел, милая.

– Это у тебя много дел, пап, а я просто дурака валяю.

Я переглянулся с Олесей. Воспитательница развела руками: «Вот такие мы деловые колбасы».

– Что ты рисуешь?

– Тебя. Ты едешь за мной, но никак не можешь проехать

мимо родничка... вот видишь, тут много машин, и на небе тучи собираются.

У меня отвисла челюсть. По дороге сюда я застрял именно на перекрестке, именуемом в народе «Родничком». Там на повороте рядом с городским парком и сосновым бором бил родник, в советские годы очень популярный у горожан, возле него всегда толпились люди с бутылками и банками. Со временем потребность в родниковой воде отпала, да и сам родник пересох, но название осталось.

У меня не только отпала челюсть, но и похолодели пальцы, когда Томка показала свой рисунок. Как и рассказывала по телефону Олеся, я действительно ехал в машине с открытым верхом, впереди и позади меня стояло много машин, над головой сгушались тучи, а внизу засохшим красным фломастером Томка сделала несколько неуверенных штрихов.

– А это что? – спросил я.

– Где?

– Вот, внизу, на дороге, красное...

Томка внимательно посмотрела на свой собственный рисунок, потом шустро отложила его в сторону.

– Не знаю, пап. Ладно, пошли в магазин за мороженым!

Я взял рисунок, аккуратно сложил вчетверо и спрятал в сумке. Этот лист станет еще одним свидетельством необычных способностей дочери.

Прощаясь с Олесей, я счел своим долгом предостеречь:

– Все-таки тебе лучше обратиться к врачу. Ты действи-

тельно неважно выглядишь.

– Беспокоишься? – улыбнулась она.

Я ничего не ответил. Просто кивнул на прощание, и мы с Томкой ушли.

Шли пешком. Автомобиль я оставил на стоянке возле детского сада. Мы направлялись к одному из соседних домов, где проживал Володя Хомутов, друг Сергея Круглова. Если повезет, я застану его на месте. По крайней мере, по телефону он сказал, что готов пообщаться.

Томка, как обычно, по пути отвлекала от размышлений.

– Пап...

– Да, моя хорошая?

– Что такое любовная катастрофа?

Я хмыкнул. Вопросы из моей дочери сыпались как конфеты из перевернутого мешка Деда Мороза. И хотя большинство из них не требовали серьезного ответа (откровенно говоря, большинство из них я просто игнорировал, отмахиваясь банальным «не знаю», что не красит меня как отца, безусловно), но иногда она спрашивала так, что я замирал на месте.

– Где ты слышала эту фразу?

Она приложила пальчик к щеке, посмотрела в небо.

– Ну, не помню.

– Понятно. Подсмотрела где-то в своих любимых мультиках.

– Нет, в мультиках такое не говорят. Это был какой-то взрослый фильм. Ты заснул, а я смотрела... давно еще.

«Ого, – подумал я, – надеюсь, это был не канал для взрослых».

– И о чем шла речь?

Она вздохнула.

– Ну, там дяденька хотел тетеньку, а она его не хотела... он сказал – любовная катастрофа. Вот я и спрашиваю, что такое любовная катастрофа?

«Это то, что получилось у нас с твоей мамой», – подумал я, а вслух начал неуверенно блеять:

– Ну, понимаешь, это когда ты кого-то любишь, но вместо ожидаемого счастья и радости любовь твоя приносит тебе только боль и неприятности. Понимаешь?

Томка молчала. Мне показалось, что она ничего не поняла, но я ее недооценивал. После раздумий она спросила:

– Это как у Глюкозы в песне про снег? Она любит мальчика, ждет его во дворе, гуляет с собакой, а он выключил свет и делает вид, что его нет дома?

– Примерно так. Только у Глюкозы была не любовная катастрофа, а, скорее, просто безответная любовь. Это не так сильно, хотя и больно, не скрою...

– Безответная – это как?

– Это когда ты любишь, а тебя – нет.

– Ммм... – Томка помолчала, разглядывая трещины на асфальте. – А ты меня любишь?

– Не волнуйся, – рассмеялся я, – у нас с тобой любовь взаимная. И без всяких катастроф!

– Как скажешь, пап.

За разговорами мы миновали школу, в которой учился Сергей Круглов, и вскоре подошли к десятиэтажному дому, стоявшему на склоне буквой «П». Гигантский двор выглядел поразительно неухоженным: две старые песочницы, скрипучие качели на углу, скамейки у подъезда да трансформаторная будка в самом центре, поросшая бурьяном – вот и все благоустройство. Не удивлюсь, если в этом доме зафиксировано повышенное количество хулиганов.

Я снова набрал номер телефона Володи Хомутова. Он пообещал выйти через несколько минут. Говорил со мной не очень охотно, хотя я дважды особо подчеркнул, что не представляю ни полицию, ни родителей Сергея, ни другие официальные органы, заинтересованные в поимке его товарища.

– Что мы здесь делаем, пап? – поинтересовалась дочка, присаживаясь на край песочницы.

– Ждем одного мальчика.

– Я буду с ним играть?

– Нет, милая, с ним буду играть я.

– А мне что делать?

Я осмотрелся. Никаких развлечений, пригодных для шестилетней девочки, не обнаружил.

– Выкопай ямку в песке, положи туда монетку, закопай, пописай и жди.

Томка уставилась на меня. Душа ее разламывалась на две

части: одна верила, что папа еще в своем уме, а вторая твердила – пора показать психиатру.

Потом мы рассмеялись, и хохотали до тех пор, пока рядом с песочницей не выросла тень. Я повернулся. На нас смотрел юноша в джинсах и застиранной домашней футболке, высокий и худой, с вьющимися темными волосами до плеч. Он был смущен.

– Владимир?

Парень кивнул. Я протянул руку, он неуверенно подставил свою щуплую клешню.

– Вы хотите узнать про Серегу?

– Да.

– Но я уже все рассказал.

– Кому?

– К нам заглядывал один с кожаной папкой несколько часов назад.

– И что?

– Ничего.

Володя внимательно посмотрел на Томку. Моя дочка тоже хитренько поглядывала на него. Я мысленно умолял ее держать язык за зубами.

– И тебе больше нечего добавить?

Парень пожал плечами, оглянулся к двери своего подъезда. Сейчас он скажет, что его ждет ужин, сердитый папа, что надо готовиться к ЕГЭ и вообще он знать ничего не знает.

Со мной у него этот номер не пройдет.

– Томыч, погуляй.

– Куда?! – развела руками дочь.

– Вон иди одуванчиков собери, я тебе венок потом сплету.

– Точно сплетешь?

– Точно-точно. Давай, иди, дай нам десять минут поговорить.

– Хорошо, пап.

Когда она удалилась на приличное расстояние, Володя поинтересовался:

– Вы и венки плести умеете?

– Умею. И не только из одуванчиков.

Хомутов перестал улыбаться. Он правильно понял – я не склонен шутить.

– В общем, так, мой юный падаван, на убитого горем товарища ты не похож, можешь даже не мучиться. Из чего я делаю вывод, что ты в курсе, куда наострил лыжи твой одноклассник.

Володя покраснел.

– Знаешь, сколько ежегодно детей и подростков убегают из дома?

Он поправил очки, отрицательно покачал головой.

– И я не знаю, но уверен, что много. А знаешь, сколько страданий они приносят своим родителям?

– А сколько страданий родители приносят подросткам?

– Думаешь, я никогда не был мальчишкой? Поразительная самоуверенность. Я, кстати, вообще рос без отца...

– Уж лучше без отца.

Произнеся эту нехитрую мысль, Володя нахмурился и от-
вернулся.

– Тут ты не прав, юный падаван. Я в твои годы многое бы отдал за то, чтобы рядом был хоть какой-нибудь мужик, способный связать пару умных слов.

Я оглянулся на дочь. Томка, войдя по колено в траву на окраине двора, выдергивала желтые одуванчики и складывала их в толстый букет. Я не имел ни малейшего понятия, как буду плести этот чертов веноч.

– Так, ладно, это все лирика. Я не из полиции, как ты уже понял, ни директор школы, ни папа с мамой, и меня не интересует, куришь ли ты травку и имеешь ли сексуальный опыт. Если у твоего друга Сергея проблемы, я попытаюсь ему помочь, но если ты будешь молчать и упираться, то своим молчанием создашь ему еще больше проблем. В этом случае расплачиваться будет не только он, но и ты. Решай, время пошло.

Я повернулся к нему спиной, отошел от песочницы.

– Томыч, нам пора!

– Щас, пап, я еще немножко!

Она набрала гигантское количество одуванчиков. Лужайка, до нашего визита радовавшая глаз яркой весенней желтизной, стала бесцветной и унылой. Томка прошла по ней как комбайн.

– Это...

Я обернулся. Володя смущенно поглаживал пальцем очки на переносице. Он забыл мое имя.

– Антон Васильевич, – напомнил я.

– Да, Антон Васильевич... вы можете обещать, что не сдадите меня?

– Кому?

– Никому.

Я прижал кулак к груди.

– Честное комсомольское.

Сергея Круглов с утра был не в духе. Именно «не в духе», а не в своем обычном флегматичном состоянии, возвышавшем его над обыденной реальностью. Сквозь строй первоклашек, провожавших будущих выпускников в холле школы с гвоздиками в руках, он шел задумчивый, не смотрел под ноги и в результате налетел на одного малыша. Мальчишка оказался не робкого десятка, обложил зазевавшегося верзилу добрым детским матюком, но Сергей этого даже не заметил. На торжественной линейке он крутил головой вокруг, и губы его искривлялись в загадочной ухмылке.

– Ты где? – спросил его Вовка.

Сергей посмотрел рассеянно, приоткрыв рот.

– Понятно, еще не отошел от вчерашнего, – констатировал Володя. Вчера они сидели на балконе, смотрели на звездное небо и разговаривали. С беспечных бесед взрослеющих мальчишек перешли на предстоящие экзамены, потом заблудились в грустных размышлениях об армии, институте, выборе дороги, а под конец совсем уж неожиданно вырулили на Солнце и бескрайнюю Вселенную. Володя, как обычно, выступал скептически настроенным слушателем, а Сергей говорил о когнитивном диссонансе. Уже в одиннадцать вечера мать Вовчика выгнала их с балкона, потому что ей нужно было сушить белье.

– Если честно, странный он был уже вчера вечером, – сказал мне Володя.

– Все мы странные в разных ситуациях. В чем конкретно заключалась странность?

Володя растопырил пальцы и поводил ими перед своими глазами.

– Как будто в пустоту смотрел. Фатальность какая-то.

– *Фатальность*? – Нечасто услышишь подобные термины от школьников.

– Да. Если бы я не знал Серегу десять лет, то сказал бы, что это глаза самоубийцы.

Я сконфузился. Мысли о самоубийстве меня не обрадовали. Одно дело, если мальчишка сбежал из дома, чтобы разозлить или наказать обидчика-родителя, и совсем другое – когда решил наложить на себя руки и успешно реализовал идею. Трудно придумать для предков кару страшнее.

– Ты уверен, что он не планировал...

Володя беззаботно отмахнулся.

– Ему слишком интересно все вокруг, чтобы расставаться с жизнью из-за какой-нибудь ерунды.

Как следовало из рассказа Володи, на торжественной линейке Сергей Круглов присутствовал лишь физически, а астральное тело его витало в иных плоскостях. Внятных объяснений Володя не добился. Получив из рук директрисы грамоту за мифические успехи, Сережка почти сразу ушел, утвердительно кивнув лишь на договоренность собраться

позже небольшой теплой компанией в местном клубе.

Вечером заняли угловой столик в небольшом баре «Рapid» в нескольких кварталах от школы. Там они часто записались с друзьями. На этот раз компания подобралась не очень обычная (все-таки последний звонок, как ни крути, школьникам осталось быть вместе меньше месяца): Володя, Сергей, две девушки Надя и Света – брюнетка и блондинка, отличница и хорошистка, оказавшиеся довольно интересными собеседницами и просто симпатичными девчонками; также на хвост упал троечник и умеренный хулиган Олег Пепеляев, не имевший никаких коммуникативных проблем ни с одним из своих одноклассников, а посему везде встречавший радушный прием; позже подключились два пижона Алексей и Александр, неотразимые и модные, обвешанные гаджетами как елочными игрушками. С ними остальные старались общаться нейтрально, но парни будто и не замечали этого, поглощенные собой.

Скромничать не стали, заказали шампанского, бутербродов, шоколада. До возраста, позволявшего легально употреблять спиртные напитки, они не дотягивали, но местный бармен знал их как завсегдатаев и почти всех мог назвать поименно, а потому великодушно разрешил «нарушать безобразия». Надя и Света молниеносно опьянели и стали приставать к мальчишкам, из чего глубокомысленный Сергей тут же сделал вывод, что алкоголь действует на женщин совершенно иначе, чем на мужчин.

– Ты хочешь сказать, – возмутилась Надя, очень скромная в обычной жизни девчонка, – что пьяная женщина – находка для мужчины?!

– Мне и говорить ничего не нужно, – сдержанно улыбнулся Сергей, – ты прекрасно это иллюстрируешь.

Надя обиделась окончательно, сидела в углу и смотрела на всех исподлобья, а потом под села к Сережке, обняла его за плечи и что-то рассказывала, время от времени вытирая одинокие слезинки.

– Мне показалось, она объясняется ему в любви, – сказал Володя.

– А между ними были отношения?

Парень задумался, глядя на песок, отрицательно покачал головой.

– Вряд ли. Я бы знал об этом. Они с Надькой общались в основном по учебе. Но в баре она, кажется, говорила совсем о другом. Во всяком случае, Серега слушал ее очень внимательно, потом сам приобнял ее немного и как будто начал утешать. Под конец Надька вообще разревелась и надолго пропала в туалете.

– А Сергей?

– Серега остался медитировать. Я, честно говоря... – Володя смущенно почесал нос. – Я сам прилично выпил. Знаете, я алкоголь плохо переношу. Еще в седьмом классе как-то с Серегой решили попробовать, купили красного вина и так набрались, что я с тех пор даже думать о нем не хочу. Но тут

последний звонок, сами понимаете... В общем, я за Серегой особенно не следил, меня отвлекли Леха с Саней своими айпэдами. Идиоты.

– Выходит, больше ничего конкретного ты вспомнить о вчерашнем вечере не можешь?

Володя отвернулся, тоже стал рассматривать мою дочку. Букет одуванчиков вырос до непотребных размеров, собранного количества наверняка хватило бы на несколько венков.

– По глазам вижу, – сказал я, – что знаешь что-то важное.

Володя продолжал тарашиться в сторону. Нетрудно было предсказать, что он обязательно расколется. Нынешние подростки, современные, продвинутые и имеющие возможность получить любую интересующую их информацию, столь же прекрасно пугливы, как и мы в их годы. Сейчас этот умный мальчик со знаменитой хоккейной фамилией, в очках, с нереальным для своего возраста интеллектом и нетипичным человеческим достоинством, отчаянно стеснялся врать взрослому. Черт тебя побери, выпрямись, посмотри мне в глаза и ответь!

– Я жду, Володь, – мягко напомнил я о своем существовании. – Ты не хочешь предавать товарища, и мне это импонирует. Стукачей сам не люблю, даже если стукач действует во благо. Но я вам не жандарм, ребята, и предательства не жду. Я хочу помочь.

Володя покраснел.

– Ладно, – сказал парень, придвигаясь ближе, будто не же-

лая, чтобы нас услышали. – У него серьезные терки.

– С кем?

– Я не знаю точно, а он не стал рассказывать, но я нутром чувствую, что Серега попал.

– Деньги? Девушка?

– Возможно, и то, и другое. А может даже и третье. Серега никогда бы от меня не скрыл, мы же с ним с первого класса вместе, но тут как отрубило. «Все нормально, все нормально».

– Так ничего и не сказал?

– Нет.

– А чем все-таки вчерашний вечер закончился?

Вовка шмыгнул носом.

– Я оставался с парнями, с Олегом, Лехой и Сашкой. Светка еще посидела с нами, а потом слиняла.

– А Сергей?

– Серега с Надькой ушли раньше всех.

– Не сказали куда?

– Кто ж будет спрашивать, раз они вдвоем ушли. Не знаю, может, просто погулять.

Володя умолк. Я понял, что больше ничего не узнаю. Впрочем, шерсти клочок выдернуть удалось.

– Что ты рассказал менту?

– Почти то же самое.

– Почти?

– За исключением одной маленькой детали.

Я ожидающе уставился на парня. Улыбка моя свидетельствовала о самых благородных намерениях.

– У Сергея есть телефон, номер которого знаю только я.

– Угу. – Я неспешно почесал пальцами подбородок. Мне не хотелось спугнуть удачу.

– Его родители не знают, что у Сереги есть второй телефон. Он заработал на него халтуркой в интернете. Купил хороший наладонник. Отчим все равно не поймет, скажет, что «все совокупные доходы должны капать в семейный бюджет», бла-бла-бла...

– Спокойно. Значит, говоришь, тайный канал связи у него имеется?

– Да. Только если вы будете звонить...

– То сразу сдам тебя с потрохами, дружище! Если ты этого боишься, зачем раскололся?

Володя замешкался.

– Не знаю. Мне кажется, он потом спасибо скажет.

– Не исключено. Диктуй номер.

Пока я забивал цифры в свой аппарат, подошла Томка. В руках она держала охапку одуванчиков с очень длинными стеблями.

– Пап, я придумала тебе загадку.

– Очень хорошо.

– Зеленая, с красными глазами и красными пальцами... прилипает ко всему, до чего дотронется. Кто это?

– Ээээ....

Обычно ее загадки легко расшифровывались, но, видимо, постоянная практика неизбежно приводит к их усложнению. Эволюцию не отменишь.

– Даже и не знаю. Кто же это?

– Балда ты, пап, – вздохнула Томка – это же африканская древесная лягушка! Держи одуванчики, будешь плести мне венок.

Хомутов рассмеялся.

Томыч – бесстрашный ребенок. Точнее, непредсказуемо бесстрашный. Она не боится вещей, от которых многие ее сверстники и даже ребята постарше залезают под диван. В то же время совершенно неожиданно может выйти из себя от смешной малости, не способной испугать младенца.

Помню, недавно к ней в гости приходил мой двоюродный племянник Матвейка. Ему тогда было семь лет, Томке – пять. В тот год мы безумно любили безвременно почившего Майкла Джексона, слушали его везде и всегда, даже поставили для новогоднего утренника в детском саду танцевальный номер в костюме короля поп-музыки. Я специально заказал фонограмму – четыре фрагмента самых известных песен Майкла продолжительностью в минуту, потом мы разучили несколько движений. Публика лежала у наших ног. Особенно удался финал, когда под звуки коды «Триллера» и безумный смех Винсента Прайса Томка опускается сначала на колени, распахнув белую рубашку, а потом падает ничком на пол, раскинув руки. Рев в зале стоял невообразимый. Фотографии с нашего выступления долго висели в фойе на втором этаже возле кабинета заведующей, а видео кто-то из сотрудников моего агентства выложил в интернет. Не помню, что там было с количеством посещений, я специально не интересовался, но посещения были.

Словом, пятилетней фанаткой Майкла Джексона моя Тарка была такой, что не приведи господи – в самой Америке таких не сыщешь. И вот она решила поделиться своей любовью с троюродным братцем. После многочасовой унылой возни с кубиками, машинками и пластмассовыми человеками-пауками позвала Томка Матвейку в мой кабинет, усадила гостя на диван перед большим телевизором и врубила сборник видеоклипов. Врубила не абы где, а на том самом «Триллере», поставленном по мотивам знаменитых зомби-фильмов Джорджа Ромеро (мертвяки никогда и нигде не были столь эффектны, как в этом ролике). Уже через минуту после начала, когда у персонажа Джексона из ушей полезли волосы, на пальцах стали вырастать когти, а во рту – огромные волчьи клыки, наш Матвейка, парнишка безобидный и бесхитростный, как все интеллигенты в пятом поколении, дал деру из комнаты и спрятался на балконе.

– Матвей, подожди! – звала Томка – Потом будет еще интереснее! Там мертвецы из могил полезут и танцевать начнут!

После словосочетания «мертвецы из могил полезут» с балкона отчетливо стали доноситься всхлипывания и просьбы отвезти к маме. Мне пришлось вмешаться. С трудом удалось уговорить Томку выключить страшно-смешное видео и посмотреть вместе диснеевского «Бэмби».

Матвейка не был бы полноценным мальчуганом, если бы не нашел способа отомстить. Через неделю он напугал Томку

маленьким безобидным паучком, запутавшимся в собственной паутине. Доченька прыгала по дивану и визжала так, что я на несколько минут лишился слуха.

Вот разбери ты этого ребенка!

– Вы неправильно воспитываете дочь, – сказала детский психолог из семейного центра, куда я по глупости обратился за советом. Это была женщина в возрасте, седовласая и важная, занимавшая своим телом половину кабинета. У меня, как у большинства наших сограждан, генетически обусловленный советский трепет перед такими «авторитетами», но в тот день я не сдержался. Фраза «вы неправильно воспитываете свою дочь» подействовала на меня как красная тряпка. *Я неправильно воспитываю свою дочь?!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.